

Трое застыли в молчании.

Воздух был пропитан едким запахом пепла, в котором еще угадывались крошечные, гаснущие искры, смешанные с тяжелым, густым ароматом благовоний.

Эта священная атмосфера, что прежде приносила покой, теперь вызывала лишь ледяную дрожь.

Спустя долгое время Пэй Шичжун заикаясь произнес:

— Не паникуйте! Может быть, может быть, Таогэ просто не нашел телефон у входа и поэтому вошел внутрь... Я попробую ему позвонить!

Его руки неконтролируемо дрожали, он едва не выронил телефон, и лишь выругав себя, сумел наконец сжать его крепче.

— Гудки...

— Гудки...

К изумлению троих, на тревожные гудки ответили.

Пэй Шичжун от волнения чуть не вскрикнул:

— Таогэ! Ты где сейчас?

— Я? Вум-ка... вум-вум-вум... кх...

— Алло! Алло, слышно меня?

— Слышно. Я же только что отправил тебе сообщение? Я... внутри. Что случилось?

— Повтори, где ты?! Плохо слышно!

— Я в... вум-вум... не бойся, я скоро... вум... не волнуйся.

Возможно, из-за плохой связи голос Ли Таогэ звучал прерывисто, искаженный помехами, словно доносился из далекого иного измерения.

Пэй Шичжун переспрашивал несколько раз, но так и не смог разобрать ни слова, холодный пот градом катился с его лба на руки.

— Черт, что же делать...

Сяо Юньэр резко прервала его:

— Не суетись. Включи громкую связь, я послушаю!

Пэй Шичжун дрожащими пальцами нажал на кнопку. В тот же миг из динамика вырвался визгливый скрежет электрических разрядов, заставив всех троих поморщиться от боли.

Сяо Юньэр, пересиливая звон в ушах, крикнула:

— Ли Таогэ? Ты меня слышишь, верно? Если слышишь, просто скажи «мгм»!

Секундная пауза, и из трубки раздалось отчетливое «мгм».

Есть контакт!

Сяо Юньэр быстро заговорила:

— Ситуация критическая, слушай внимательно! Мы получили твое сообщение, но в плане не было пункта о входе в канализацию!

— Ты говоришь что-то... вум...

— Соберись! Вспомни настоящий план! Тебе нужно было только найти вход в канализацию и забрать старый телефон Бай Циюя, который он обронил, когда упал в воду!

Ответа не последовало.

Треск тока становился все хаотичнее и пронзительнее, приходилось прикладывать нечеловеческие усилия, чтобы не потерять рассудок от этого шума.

Пэй Шичжун не выдержал:

— Эй! Ответь же! Ну скажи хоть что-нибудь!

Сяо Юньэр остановила его и быстро добавила:

— Если ты вошел внутрь, потому что не нашел телефон, скажи «один». Если по другой причине — скажи «два»!

Трое затаили дыхание, боясь, что даже звук их собственного дыхания заглушит ответ. Но...

— Гудки... гудки...

Связь оборвалась.

— Что делать? — Пэй Шичжун был близок к истерике. — Таогэ попал в беду? Черт возьми, надо было настоять и пойти с ним!

— Твое присутствие ничего бы не изменило! — лицо госпожи Хань помрачнело. — Пусть он и не открыл свой зал, но его духовная энергия не уступает силе его сестры. Если даже он оказался под воздействием скверны, ты стал бы для него лишь обузой.

Сяо Юньэр оборвала их:

— Хватит! Нечего тут ныть! Раз связь прервалась, звоните еще раз, черт возьми!

Сейчас эта хрупкая девочка выглядела настолько холодной и злой, что от её взгляда, острого, как у притаившегося хищника, становилось не по себе. Но для двух взрослых, потерявших голову от страха, она стала единственной опорой.

— Я... я сейчас... — Пэй Шичжун лихорадочно перезванивал, но три попытки подряд не дали результата.

На последнем звонке прозвучал холодный голос оператора:

— Извините, абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже. Сорри, зэ...

— Раз не дозваниваешься — пиши сообщения! — рявкнула Сяо Юньэр. — Продолжай!

— Хорошо... хорошо...

Пэй Шичжун дрожащими руками набрал три сообщения, каждое из которых было помечено пугающим красным восклицательным знаком.

Не отправляются.

Рука Пэй Шичжуна дрогнула, телефон упал на пол, защитное стекло треснуло, словно насмехаясь над их наивностью.

Сяо Юньэр нервно закусил ноготь и внезапно бросилась вглубь открытой площадки для жертвоприношений.

Госпожа Хань в ужасе воскликнула:

— Нельзя прерывать ритуал, иначе всё будет напрасно!

Сяо Юньэр, не оборачиваясь, бросила:

— Я знаю, что делаю!

Двое остались стоять в замешательстве. Спустя долгое время госпожа Хань стиснула зубы:

— Сяо Пэй, продолжай пытаться. Звони, пиши, используй любые способы.

— А вы...

Госпожа Хань глубоко вздохнула:

— Ци Дима и маленькая госпожа Ли ушли отдыхать, я пойду к ним.

Пэй Шичжун открыл рот, желая сказать, что они вряд ли сейчас проснутся, но голос не слушался его.

Даже если они не очнутся, госпожа Хань обязана использовать любой шанс, иначе...

Иначе всё кончено.

Не только Ли Таогэ, не только Бай Циюй, но и бабушка Ло, и безопасность всего их зала...

Стоило лишь представить, как в сотнях километров отсюда, в крошечной тьме подземных коллекторов, кто-то в одиночку блуждает и теряет ориентацию, Пэй Шичжуна охватывало безграничное отчаяние.

Один, в полной темноте, глубоко под землей, без связи.

Пэй Шичжун не знал, смог бы он сам не сойти с ума в такой ситуации.

Но если они не сделают всё возможное, Ли Таогэ может навсегда остаться в той нечисти, куда не проникает свет.

— Идите, — Пэй Шичжун глубоко вдохнул. — Я буду пытаться связаться с ним каждую секунду. Каждую секунду.

Госпожа Хань кивнула и поспешила в сторону комнат отдыха.

Духовная игла вошла в тридцать первую куклу.

От несчастного соломенного чучела почти не осталось человеческого облика. На изорванном теле магические письмена, начертанные особыми чернилами, были скрыты слоем грязной крови.

Невероятно, что после стольких игл оно еще не рассыпалось — казалось, внутри, среди набивки, действительно были кости и жилы, удерживающие форму.

Самым жутким было то, что раны от игл не были просто дырами — это были рваные, словно от ножа, лоскуты плоти. Местами виднелись ожоги от сигарет, от которых в холодном воздухе

поднимался тонкий дымок.

Белоснежное одеяние бабушки Ло пропиталось пеплом, куриной кровью и скверной, превратив её в демона, выползшего из преисподней. Но её лицо блестело от пота, вызванного неистовым возбуждением.

Пот заливал глаза, должно быть, причиняя невыносимую боль, но она, словно ничего не чувствуя, широко раскрытыми, налитыми кровью глазами продолжала яростно вопить:

— Выходи! Выползай, иди сюда — иди, иди, а-ха-ха-ха!

Тридцать пятая, тридцать шестая... тридцать девятая, сорок вторая!

Осталось всего семь.

Семь — идеальное число.

Говорят, Бог создал человека на седьмой день. Семь добродетелей, семь грехов, семь — воплощение чистоты и порока. В буддизме семь — символ завершенности, в даосизме — союз пяти стихий и инь-ян...

Для Бай Циюя сейчас семь означало боль, сравнимую с разрыванием на части.

Его конечности одна за другой теряли чувствительность, мозг погружался в шоковое состояние.

Стоило ему прийти в себя, как в голове начинали галдеть тысячи голосов, обрушивая поток бесполезной информации, лишавшей его способности мыслить.

Он не осознавал, что причина потери контроля над конечностями — не только боль.

Это была чешуя.

Золотистая, с текстурой древней коры, переливающаяся в темноте чешуя уже давно покрыла всё его тело.

Если не считать лица, белого, почти прозрачного, он был полностью закован в этот панцирь.

Более того, чешуя размножалась с невероятной скоростью, стремясь вырваться за границы кожи.

Воздух был пропитан сладким, приторным ароматом, доходящим до тошноты, смешанным с едва уловимым запахом морской соли — эта смесь сводила с ума.

Спи... думал он. Может, если уснуть, всё закончится.

Закончится этот отчаянный, приторно-сладкий кошмар, закончится страх, позор и ненависть.

Он мирно уснул.

И ему приснился прекрасный сон.

Затем чей-то голос тихо позвал его:

— А-Бай?

После шороха одежды что-то теплое коснулось его лица.

Ощущение было таким странным, что Бай Цию мгновенно проснулся и встретился взглядом с человеком перед собой.

Ци Жун?

Он стоял спиной к свету, пробивающемуся сквозь окна, и улыбался в мягком золотистом сиянии.

Морской запах исчез, сменившись сладким ароматом клубничного пирожного и парфюма Burberry Her.

Очень сладко, слишком сладко, но в меру — именно так, как любил Бай Цию.

— Почему это ты...

Мужчина, видя сонный, милый вид Бай Цию, ласково усмехнулся и ущипнул его за щеку.

— А кто еще?

Прежде чем Бай Цию успел инстинктивно оттолкнуть его руку, Ци Жун небрежно бросил ему что-то теплое:

— Иди умойся, а пока выпей это. Завтрак будет готов чуть позже.

В голове у Бай Цию царил хаос. Где он? Разве он не был на месте ритуала? Где бабушка Ло и остальные?

Когда Ци Жун скрылся в дверях, Бай Цию осмотрелся.

За окном — густой лес, вьется тропинка. Комната на втором этаже, внизу виднеются фонари в стиле барокко.

Он лежит на мягком пуховом матрасе, а в руках у него — пакет горячего свежего молока с фермы.

Всё указывало на то, что сейчас осеннее утро, у него есть нежный возлюбленный, просторная комната с видом на горы — всё уютно и прекрасно.

Но Бай Цию чувствовал повсеместный «диссонанс».

Во-первых, у него непереносимость лактозы. Даже от сливок ему плохо, не говоря уже о молоке.

Во-вторых, лицо Ци Жуна не соответствовало его воспоминаниям: на этом солидном,

решительном лице в уголках глаз уже появились морщинки от улыбки.

И наконец... он отчетливо помнил, как лежал в тусклом зале ритуалов в зале бабушки Ло, ожидая окончания обряда.

Он быстро пришел к выводу: Чжан Ихэ, этот мерзавец, не оставляет его в покое. Ему так нравится носить чужие лица, чтобы вызывать отвращение?

Он громко крикнул:

— Чжан Ихэ, тебе не надоело? Один раз был, теперь второй? Ты обретаешь уверенность, только надев чужую маску?

Ответа не последовало.

Странно...

Ощущение подвоха нарастало. Бай Циюй, не заботясь об обуви, босиком выбежал из комнаты, продолжая кричать:

— Чжан Ихэ, выходи, черт возьми! Чжан Ихэ!

На самом деле, если бы Бай Циюй был хоть немного спокойнее, он бы заметил, что его нынешний характер тоже странный.

При встрече с Чжан Ихэ он должен был испытывать страх, а не ярость. Он должен был бежать подальше, а не лезть на рожон.

Но незнакомая обстановка сбивала его с толку. Его взгляд упал на гардеробную, где висела мужская одежда двух разных стилей, перемешанная между собой.

Там был оверсайз, который любил Бай Циюй, и строгие костюмы, которые носил Ци Жун.

На обувной полке, где кроссовки соседствовали с туфлями, стояла изящная дубовая рамка.

Фотография двух мужчин.

Он и Ци Жун.

В костюмах, на сцене, они вместе держали кубок, озаренные светом софитов, выглядя молодыми и полными сил.

— Шестнадцатая премия Китайских игр за лучшую разработку?

Бай Циюй перевернул рамку. Сзади была лазерная гравировка: Январь 2024 года, Шанхай.

2024 год?

Но Бай Циюй отчетливо помнил, что сейчас 2021-й, премия только на двенадцатой церемонии, и их команда только готовит материалы для конкурса.

Слишком нелепая ложь.

Бай Циюй усмехнулся. Их мобильная игра — лучшая разработка? Мог бы придумать что-то более правдоподобное.

Из гостиной донесся голос мужчины:

— А-Бай, иди есть.

Бай Циюй медленно подошел, скрестив руки на груди, и смерил Ци Жуну взглядом.

Ци Жун был в сине-желтом полосатом фартуке, в кухонных рукавицах, выкладывая пельмени из пароварки. На тарелке с изображением его любимого игрового персонажа уже лежали готовые пельмени.

— Что ты опять задумал? — Бай Циюй не скрывал отвращения. — Обязательно нужно разыгрывать семейную идиллию?

Ци Жун замер.

— Не прикидывайся! Я сразу понял, что это ты. Тебе нравится играть в театре? Ты...

— А-Бай. — Ци Жун перебил его.

Глядя на полного отвращения Бай Циюя, он глубоко вздохнул:

— Я — Ци Жун. А-Бай, ты снова меня забыл.

...Что это за трюк?

Ци Жун больше ничего не сказал. Он опустил голову и продолжил раскладывать красивые пельмени по тарелкам. Затем пошел наливать кашу.

Все его движения были доведены до автоматизма, словно он делал это тысячи раз.

Внезапное вмешательство Бай Циюя, казалось, не вызвало у него бурных эмоций, лишь плечи слегка напряглись.

Необъяснимо, но в его спине Бай Циюй прочитал столько невыразимых чувств: густую любовь, печаль и полное изнеможение.

Он казался таким уставшим, но что-то внутри него продолжало поддерживать его.

То, чего Бай Циюй не мог понять.

Хотя он не понимал, сердце его сжалось от боли.

Тысячи проклятий, рожденных в кошмаре, мгновенно испарились. Бай Циюй открыл рот, не зная, что сказать.

Он невольно последовал за ним на кухню и тихо проговорил:

— Я... как я могу тебя не знать? Ты же Ци Жун. Но... ты — это Чжан Ихэ, я же сплю.

Видя, как на решительном лице Ци Жуна отразилась печаль, Бай Циюй поспешно добавил:

— Чжан Ихэ, это правда не смешно. Сколько можно использовать чужое лицо? Я тебя узнал, кончай этот сон!

Но ничего не произошло.

Аромат горячих пельменей наполнял столовую; на стене — огромные игровые постеры, похожие на те, что показывал Ли Таогэ; в углу работал увлажнитель воздуха, в шкафу стояли два набора разной посуды...

Современный городской стиль смешивался с игровыми аксессуарами — так несочетаемо и так гармонично.

Множество следов жизни подтверждали одно: здесь живут двое влюбленных мужчин.

Видя, что Бай Циюй застыл, Ци Жун внезапно взял его за руку.

Его ладонь была холодной, сильной, но с едва заметной дрожью, словно он боялся, что человек в его руках может исчезнуть.

Бай Циюй хотел было вырваться, но необъяснимо позволил мужчине усадить себя на диван.

— У тебя периодическая амнезия, — мягко, но хриплым голосом произнес мужчина, словно бросая молнию. — Я знаю, в это трудно поверить, но посмотри альбом.

Толстый альбом в тканевом переплете лег на колени Бай Циюя.

Он листал страницу за страницей, прикрывая рот рукой.

На первой странице — свадебные фотографии!

На фото Бай Циюй в синем костюме в стиле барокко, с меховой накидкой, а Ци Жун в темно-красном, смеясь, держит его на руках.

Словно король, несущий своего самого любимого принца.

Дальше — фото с гостями, в традиционных и западных нарядах.

Лин Сяо корчит рожицы с художником из соседнего отдела, программисты застенчиво улыбаются... Хотя, неясно почему, не было ни старика Ма, ни Ли Таогэ.

Дальше — фотографии с семьей, друзьями, свадебное путешествие.

От виллы на Мальдивах до северного сияния в Исландии — они обнимались, сияя улыбками перед камерой.

Счастье, светящееся в их глазах, невозможно было подделать.

Это... это всё он?

Во второй части — фотографии, связанные с игровой индустрией.

Моменты получения наград, интервью, встречи с фанатами...

Дата на последнем фото была зафиксирована: 2026 год.

Бай Циюй, как сумасшедший, схватил телефон и уставился на экран блокировки.

3 октября 2026 года.

Тот же день, что и в его памяти.

Только прошло пять лет.

— А-Бай, — голос Ци Жуна вернул его в реальность. — Не бойся. Амнезия пройдет, ты скоро адаптируешься.

Он мягко повернул лицо Бай Циюя к себе:

— Скажи мне, какой сейчас год в твоём представлении?

— Две... две тысячи двадцать первый.

— Конкретнее?

— Третье октября.

— Значит, именно этот день... — Ци Жун глубоко вздохнул. — Да, время пришло.

— Что это значит?

Ци Жун сказал, что после праздников 2021 года у Бай Циюя началась периодическая амнезия. Врачи сказали, что это следствие сильного стресса, попытка забыть невыносимый факт.

— Что за... невыносимый факт?

— Я сам узнал об этом от тебя после свадьбы. То, что я сейчас скажу... лучше подготовься.

Сердце Бай Циюя екнуло. В голове мелькнула нехорошая мысль.

Но он лишь жестко ответил:

— Сначала говори, я еще не решил, верить ли тебе.

Ци Жун сжал его руку:

— Прежде всего, ритуал очищения, который ты просил провести бабушку Ло, удался.

— Удался?! — Бай Циюй вскочил, потрясенный. — Нет, погоди, ты уверен?

— Да. Твоя память застряла на 3 октября 2021 года, в день ритуала, верно? Похоже, это твое самое глубокое переживание. Не бойся, ты справился.

— Неужели получилось... — глаза Бай Циюя покраснели. — Нет, ты врешь, где доказательства!

— Если бы не получилось, разве я мог бы видеть тебя сейчас? — Ци Жун горько усмехнулся. — А-Бай, каждый раз, когда я думаю о том, через что ты прошел ради меня, меня охватывает ужас...

Но следующие слова повергли Бай Циюя в ледяной холод.

Ци Жун сказал:

— Ритуал прошел успешно, но Ли Таогэ погиб. Он навсегда остался в канализации старого района Циндао, его тело до сих пор не нашли.

Ли Таогэ мертв?

Нет, как это возможно?

Бай Циюй посмотрел на стену и закричал:

— Это же концепт-дизайн к игре, это работа Ли Таогэ! Игра уже сделана, как он может быть мертв?!

Ци Жун достал пачку сигарет и закурил. Несмотря на внешнее спокойствие, Бай Циюй видел, как дрожат его руки.

Он сказал:

— Это сделали мы с тобой. Мы потратили четыре года, продали виллу, мою машину, заняли двадцать миллионов у моего двоюродного брата, чтобы осуществить эту мечту.

Его голос стал хриплым:

— А-Бай, умоляю, очнись... Я знаю, что смерть Ли Таогэ для тебя — невыносимая боль, но он умер пять лет назад! Это наше детище! Это наша мечта! К нему Ли Таогэ не имеет никакого отношения! Не упоминай его больше!

— Все эти годы ты забывал, ты не мог принять правду... — Ци Жун сжал плечи Бай Циюя. — Я не прошу тебя помнить обо мне всегда, не прошу забыть смерть Ли Таогэ, это слишком сложно... Прошное — это часть человека, я люблю тебя и приму всё... Но кто такой Чжан Ихэ? Почему каждый раз ты принимаешь меня за него?

Боль в глазах Ци Жуна была настолько настоящей, что никто не смог бы сказать ему ничего обидного.

Бай Циюй с трудом произнес:

— Чжан Ихэ... он... мой враг, можно сказать...

— Враг? — Ци Жун усмехнулся. — Враг, чье имя ты кричишь, как только открываешь глаза? А-Бай, не надо мне врать, просто скажи правду.

— Я не...

— Бывший парень? Красивый?

— Нет! — поспешно ответил Бай Циюй. — И не красивый! Ты красивее! Нет, нет, почему вы вообще сравниваете...

— Я не верю. — В глазах Ци Жуна была печаль. — Он так похож на меня? Чем он лучше меня, раз ты забываешь всё, но помнишь его?! Знаешь, чего я боюсь больше всего? Я не боюсь, что ты забудешь меня, я не боюсь проходить через это снова... Я боюсь, что каждый раз, просыпаясь, ты забываешь меня, кричишь на меня и говоришь: Чжан Ихэ, убирайся!

<http://bllate.org/book/18696/1807008>